

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.213.7:342(712+714)

*М. В. Арзамасцев*ДОПУСТИМОСТЬ ЛИШЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА И ЭКСТРАДИЦИИ
ПОЛИПАТРИДА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Совершенствование методов борьбы с транснациональной преступностью требует анализа возможных правовых средств, которые вправе использовать государство, соблюдая свои обязательства в сфере охраны прав человека. В статье с учетом закономерностей генезиса института множественного гражданства рассматривается вопрос о допустимости лишения гражданства и экстрадиции лица, имеющего такое гражданство. Историко-правовое и телеологическое толкование положений Конституции РФ позволяет автору сделать вывод о том, что эти нормы, принимавшиеся в целях ограничения возможностей государства по разрыву правовой связи со своим гражданином, полностью исключают возможность введения института лишения российского гражданства, но не препятствуют введению в законодательство (или в международный договор) правил об экстрадиции такого лица. Условиями подобной выдачи могут стать согласие (ходатайство) лица об этом и определение страны постоянного проживания. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: гражданство, преступник, множественное гражданство, лишение гражданства, экстрадиция, транснациональная преступность.

*М. V. Arzamastsev*ADMISSIBILITY OF DEPRIVATION OF NATIONALITY AND EXTRADITION OF A PERSON
WITH MULTIPLE NATIONALITIES WHO HAS COMMITTED A CRIME

Improvement of methods of fighting against transnational crime demands the analysis of possible legal consequences which the state has the right to use the whilst observing obligations in the sphere of protection of human rights. This article takes into account regularities in the development of the legal regulation of multiple nationality (citizenship), the disclosure of its essence, the question of the admissibility of deprivation of nationality and an extradition of a 'polipatrid', i.e. the person having the nationality of two or more states. Historical, legal and teleologic interpretations of norms of the Constitution of the Russian Federation allows the author to draw the conclusion that these norms which

---

Арзамасцев Максим Васильевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; maxim077@mail.ru

Arzamastsev Maxim V. — PhD, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; maxim077@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

were accepted for restriction of opportunities of the state on a rupture of legal communication with the citizen completely exclude possibility of the introduction of the institute of deprivation of Russian nationality. However they do not deter the introduction to the legislation (or in the international treaty) rules about the extradition of such a person. The conditions of such a transfer can be the consent (petition) of the person with regard to it and determining the country of continuous residence. Refs 19.

Keywords: multiple nationality, deprivation of nationality, extradition, transnational crime.

Обусловленные глобализацией миграционные процессы не только влекут увеличение круга лиц, приобретающих множественное гражданство (которое согласно ст. 1 Европейской конвенции о гражданстве (ETS № 166), заключенной в г. Страсбурге 6 ноября 1997 г.¹, означает, что одно и то же лицо одновременно обладает гражданством двух или более государств²), но и закономерно порождают такое негативное явление, как транснационализация преступности. Основные тенденции этого процесса В.В. Лунеев связывает с тем, что «глобализация интенсифицирует распространение глобального неравенства, а неравенство — преступность», «и глобализация, и локализация несут в себе существенные условия для разрастания криминала, в том числе транснационального, организованного, террористического, националистического и даже фашистского при интенсивном ослаблении роли государств» [1, с. 37, 39].

При этом, как показывает пример террористического акта, совершенного 13 ноября 2015 г. в Париже, приобретение лицом гражданства определенной страны (согласно сообщениям СМИ, «27-летний гражданин Бельгии марокканского происхождения, находящийся в Сирии, является заказчиком терактов в Париже и ряда других терактов в Европе, которые удалось предотвратить» [2]) не останавливает его от преступлений, направленных против других ее граждан, а возможно, даже облегчает условия для совершения таких деяний. Видимо, именно поэтому президент Франции Ф. Олланд потребовал лишать французского гражданства лиц, которые были осуждены за терроризм [3]. Вскоре парламент Австралии принял закон, по которому имеющие двойное гражданство австралийцы, подозреваемые в террористической деятельности, могут быть лишены гражданства страны [4]. В нашей стране также предложено лишать гражданства россиян, уезжающих за рубеж для участия в террористической деятельности [4; 5]; более того, Народным Собранием Республики Дагестан в Государственную Думу внесен РФ законопроект № 945490-6³, которым предусматривается внесение соответствующих изменений в Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁴.

В государствах, разрешающих лишение гражданства в качестве правового последствия совершения преступления, неизбежно возникает вопрос о возможности последующей экстрадиции лица, ставшего для них иностранным гражданином. Учитывая, что подобные меры предлагаются и в нашей стране, необходим развернутый анализ допустимости полного разрыва (в виде лишения гражданства) или

¹ Документ официально не был опубликован, доступен в СПС «КонсультантПлюс».

² Лицо, имеющее множественное гражданство, также обозначается термином «полипатрид».

³ URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=945490-6&02> (дата обращения: 25.01.2016).

⁴ СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

ослабления (в виде экстрадиции) той устойчивой правовой связи, какой является гражданство.

Глобальная контртеррористическая стратегия ООН (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2006 г., A/RES/60/288)⁵ предлагает в числе мер предотвращения терроризма и борьбы обеспечить задержание и преследование или экстрадицию лиц, виновных в совершении террористических актов (п. 3 разд. II). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 2015 г. «Меры по ликвидации международного терроризма» (A/RES/70/120)⁶ вновь подчеркивает, что государства должны обеспечить, чтобы любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, соответствовали их обязательствам по международному праву.

Данные международные документы предполагают, что государство должно либо само осуществлять уголовное преследование лиц, подозреваемых в совершении террористического акта, либо экстрадировать их. Решение этих вопросов (в сфере борьбы не только с международным терроризмом, но и с транснациональной преступностью) не означает допустимости любых ограничений прав лиц, даже виновных в совершении таких общественно опасных деяний. Только в условиях верховенства права борьба с терроризмом не станет его зеркальным отображением, а потому ограничение прав, связанных с гражданством лица, не может не учитывать особенности такой правовой связи.

При этом в юридической науке термин «гражданство»⁷ понимается не менее чем в четырех смыслах: 1) политико-правовое явление, определяющее особый характер взаимоотношений человека и политико-социального образования — государства; 2) одно из основных субъективных прав человека (каждый человек имеет право на гражданство), т. е. предусмотренная законом возможность лица находиться в обозначенных выше взаимоотношениях с государством или прекратить их; 3) конституционно-правовой институт; 4) членство лица в государстве; это определение логично увязывается с позиций договорной теории происхождения государства как публично-правового союза населения в рамках территории, политически организованной общности людей [6]. В целом значение гражданства выражается в том, что оно «способствует установлению между государством и лицом правовой связи в самом общем виде, содержание которой проявляется в распространении государственного суверенитета на это лицо, наделении его правовым статусом гражданина и обеспечении защитой и покровительством со стороны государства вне зависимости от места нахождения гражданина» [7, с. 233]. Вместе с тем глобализация настолько ускорила миграционные процессы и привела к появлению таких экономических и социальных моделей, что большая часть жизни многих лиц проходит вне территории государства, в котором они родились.

⁵ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/60/288> (дата обращения: 25.01.2016).

⁶ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/120> (дата обращения: 25.01.2016).

⁷ В большинстве стран Центральной и Восточной Европы используется термин «citizenship», который имеет то же значение, что и термин «nationality», применяемый в большинстве западно-европейских государств (прим. 2 к п. 1 Пояснительного доклада к Европейской конвенции о гражданстве, принятого в г. Страсбурге 6 ноября 1997 г. (Документ официально не был опубликован, доступен в СПС «КонсультантПлюс»)).

В целом, применяя методы историко-правового анализа, можно констатировать, что со времени Великой французской революции связь человека и государства стала определяться категорией «гражданство», которое сегодня признается одним из важнейших элементов правового статуса личности. Как показывает В. Д. Зорькин, модернизационный рывок Нового времени создаваемым в Европе и Америке нациям-государствам обеспечило провозглашение принципа равенства всех граждан перед законом, гарантировавшего «равный доступ к справедливости» как базис государственной лояльности. Однако уже со второй половины XX в. получили свое развитие идеи мультикультуральной политики, в качестве одного из главных принципов реализации которой Д. Кон-Бендит и Т. Шмид предложили введение двойного гражданства и предоставление национального гражданства всем желающим иностранцам [8, с. 426–430]. В. В. Лунеев отмечал, что выработанные на европейском уровне региональные стандарты в сфере конституционно-правового регулирования оказывают серьезное влияние и на конституционно-правовые институты РФ [1, с. 33]. Соответственно, именно в странах Западной Европы первоначально был накоплен определенный опыт правового регулирования вопросов, возникающих в связи с наличием у лица двух и более гражданств, который может представлять интерес и для совершенствования российской правовой системы.

В частности, Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве (заключена в г. Гааге 12 апреля 1930 г.)⁸, в отношении лиц, обладающих гражданством двух и более государств, закрепила в ст. 3–5, что такие лица могут рассматриваться каждым из государств, гражданством которого они обладают, в качестве своих граждан; им не может предоставляться дипломатическая защита от другого государства, гражданством которого они также обладают; в третьем государстве они рассматриваются как имеющие только одно гражданство (либо гражданство страны, в которой эти лица обычно и преимущественно проживают, либо гражданство страны, с которой они наиболее тесно связаны). По сути, для таких лиц одномоментно признавалось только одно гражданство, а юридическое значение иных гражданств было минимальным.

Важным шагом стала Конвенция о сокращении случаев множественного гражданства и об исполнении воинской обязанности в случаях множественного гражданства (ETS № 43)⁹, открытая для подписания в 1963 г. Как отмечается в Пояснительном докладе к Европейской конвенции о гражданстве 1997 г., в основу гл. I Конвенции 1963 г. была положена идея, которая в то время пользовалась широким признанием во многих западноевропейских странах: множественное гражданство является нежелательным и его следует в максимальной степени избегать. В дальнейшем Совет Европы принял решение пересмотреть жесткие рамки применения принципа избежания множественного гражданства ввиду целого ряда изменений, произошедших в Европе с 1963 г.: миграция рабочей силы между европейскими государствами, ведущая к значительному увеличению численности эмигрантов; необходимость интеграции лиц, постоянно проживающих в странах; растущее число браков между лицами, имеющими разное гражданство; свобода передвижения между государствами — членами Европейского Союза. Кроме того, принцип

⁸ Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 223–230. — Конвенция вступила в силу 1 июля 1937 г. Россия не участвует.

⁹ URL: <http://www.echr-base.ru/CED43.jsp> (дата обращения: 25.01.2016).

равноправия полов означал, что супругам, имеющим разное гражданство, следует позволить приобретать гражданство своего супруга на одинаковых условиях и что оба супруга должны иметь возможность передавать свое гражданство своим детям.

Наконец, Европейская конвенция о гражданстве 1997 г. признала, что каждое государство вправе решать в рамках своего внутреннего законодательства, какими будут последствия того, что его гражданин приобретает или имеет другое гражданство, и в ст. 15 особо оговорила, что она не ограничивает право государств-участников разрешать множественное гражданство.

Приведенные данные показывают, что европейский подход к множественному гражданству изменился с негативного (исключающего или ограничивающего такое гражданство) до нейтрального (допускающего, хотя и не поощряющего его). Сохранение этого тренда в будущем может привести даже к стимулированию (например, в целях обеспечения более быстрого перераспределения трудовых ресурсов) множественного гражданства, которое может стать таким же стандартом, как сейчас во многих странах стало нормой свободное владение как минимум двумя языками (государственным и английским).

За последнюю четверть века Российская Федерация достигла и даже в чем-то превзошла европейский уровень терпимости множественного гражданства.

Закон РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве РСФСР» (в первоначальной редакции)¹⁰ признал возможность двойного гражданства, но только при наличии соответствующего международного договора, поскольку в иных случаях (т. е. при отсутствии соответствующего договора) в силу положений ч. 1–2 ст. 3 приобретение гражданства РСФСР иностранным гражданином допускалось при условии его отказа от прежнего гражданства, а гражданину РСФСР не разрешалось иметь одновременно гражданство другого государства.

Изменения, внесенные Законом РФ от 17 июня 1993 г. № 5206-1 (в первоначальной редакции)¹¹, предопределяли, что за лицом, состоящим в гражданстве РФ, не признается принадлежность к гражданству другого государства, если иное не предусмотрено международным договором РФ.

Наиболее конкретно признание двойного гражданства было сформулировано в ст. 62 Конституции РФ, согласно которой гражданин РФ может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором РФ; наличие у гражданина РФ гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором РФ.

Данные конституционные положения в настоящее время развивает ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О гражданстве Российской Федерации», которая в ч. 2 устанавливает, что приобретение гражданином РФ иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства РФ, и которая согласно Определению Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 664-О-О¹² имеет целью обеспечение поддержки граждан РФ со стороны государства, позволяет сохранять гражданство РФ при приобретении иного гражданства.

¹⁰ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 6. Ст. 243.

¹¹ Там же. 1993. № 29. Ст. 1112.

¹² Документ официально не был опубликован, доступен в СПС «КонсультантПлюс».

В связи с этим нельзя согласиться с оценкой Е. С. Смирновой, полагающей, что, несмотря на стремление ряда государств к большей интеграции, институт гражданства остается неизменным [9, с. 29]. В условиях динамично развивающихся общественных отношений статичные правовые нормы неизбежно вступают в противоречие с ними, а потому справедлив вывод Н. С. Бондаря: «Глобализация напрямую влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их развития, модернизации и защиты» [10, с. 260]. Более того, продолжающийся в современных условиях рост миграционных процессов приводит к невозможности решения ряда проблем исключительно на внутригосударственном уровне.

Так, в настоящее время государства — члены ООН согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (A/RES/70/1) обязуются пропагандировать межкультурное понимание, терпимость, взаимное уважение и этику глобального гражданства (*global citizenship*) и совместной ответственности (п. 36)¹³. С учетом этого можно предположить, что количество лиц с множественным или даже «глобальным» гражданством будет увеличиваться, а потому при определении возможных правовых последствий совершаемого ими преступления на территории одного из государств их гражданства необходимо учитывать и особенности правового регулирования полипатризма.

Как пишет Е. С. Медведникова, источником возникновения факта множественного (которое она не совсем точно обозначает как двойное) гражданства является внутреннее законодательство каждого из государств, если в нем не содержится определенный набор ограничений, препятствующих этому. Для абсолютного исключения возможности возникновения множественного гражданства в законодательстве должен присутствовать следующий минимум ограничений: отказ от прежнего гражданства как условие приобретения нового; прекращение «своего» гражданства в случае приобретения какого-либо иного гражданства; непредоставление «своего» гражданства по рождению, если ребенок приобретает по рождению гражданство иного государства [11, с. 93].

Согласно п. «г» ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» одним из условий приема в гражданство РФ иностранных граждан и лиц без гражданства в общем порядке является обращение в полномочный орган иностранного государства с заявлениями об отказе от имеющегося у них иного гражданства; отказ от иного гражданства не требуется, если это предусмотрено международным договором РФ или указанным Федеральным законом либо если отказ от иного гражданства невозможен в силу не зависящих от лица причин.

Соответственно, в основном два или более гражданства приобретаются прирожденными гражданами РФ, в частности, постоянно проживающими за пределами территории РФ. При этом государство не может отказать от признания их российского гражданства, а они не выражают свою волю на прекращение такой правовой связи.

Как указал Конституционный Суд РФ, положения ч. 3 ст. 6 Конституции РФ корреспондируют ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, которая провозглашает,

¹³ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/1> (дата обращения: 25.01.2016).

что никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство¹⁴. Формулируя данный запрет, Конституция РФ и международно-правовые акты исходят из того, что в сфере любых правоотношений, в том числе связанных с гражданством, личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, что обязывает государство обеспечивать уважение достоинства личности (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ) при реализации права на гражданство. Произвольное, без учета волеизъявления гражданина лишение или даже временное прекращение законно приобретенного гражданства, нарушая ст. 6 Конституции РФ, умаляет достоинство личности, что в соответствии со ст. 18, ч. 1 ст. 21 и ч. 2 ст. 55 Конституции РФ является недопустимым как при издании, так и при применении законов¹⁵. Кроме того, лица, бывшие гражданами СССР и приобретшие право на признание их гражданами РФ по рождению в силу ст. 13 Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации», как и их дети, для которых это право вытекает из принципа «права крови», не могут утратить его иначе как путем собственного свободного волеизъявления¹⁶.

Исторические предпосылки запрета лишать лицо гражданства РФ подробно рассмотрены О. Е. Кутафиным; он отмечал, что, хотя институт лишения гражданства используется в законодательстве многих зарубежных государств и допускается международным правом, в советский период лишение гражданства было наиболее распространенным основанием прекращения гражданства по инициативе государства, которое использовалось для незаконных репрессий. Вследствие этого институт лишения гражданства был настолько дискредитирован советскими властями, использовавшими его в целях политической борьбы и для расправ с инакомыслящими, что дальнейшее его применение в российском постсоветском законодательстве стало просто невозможным [12, с. 93]. Соответственно, лишение гражданства стало недопустимым и по такому основанию, как приобретение лицом гражданства другого государства либо последующее совершение какого-либо преступления. С учетом этого, у государства остается выбор из двух возможных правовых последствий: осуществление самостоятельного уголовного преследования за деяние, независимо от места его совершения, либо выдача лица государству, на территории которого совершено деяние.

Содержание взаимных прав и обязанностей для личности и государства в связи с наличием гражданства не должно устанавливаться произвольно. В частности, как отмечает К. В. Арановский, «государство не может определять иную верховную власть, кроме власти народа, и, признавая эту власть, органы государства не могут менять ее конституционный источник, т.е. состав народа»¹⁷. Развивая эту идею, можно утверждать, что государство, не имеющее права в одностороннем порядке разорвать правовую связь со своим прирожденным гражданином, должно «не закрывать глаза», а уважать и, как минимум, учитывать правомерное приобретение

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1228-О // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 1996 г. № 12-П // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2579.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 2740-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 2.

¹⁷ Мнение судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского к Определению Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 2740-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 2.

таким лицом еще одного гражданства (исходя из принципа взаимности данная обязанность распространяется и на это государство).

При этом, как показывает В. В. Красинский, к суверенным обязанностям государства можно отнести: обеспечение эффективной борьбы с преступностью (невзирая на материальное и должностное положение, национальную принадлежность и вероисповедание преступников); уголовное преследование и сопровождение выдачи иностранных граждан, лиц с множественным гражданством и апатридов, совершивших преступления в отношении граждан государства за рубежом и на территории государства [13]. Соответственно, возникает коллизия, когда носителем суверенитета является народ, а реализация этого суверенитета предполагает решение вопросов об уголовном преследовании и выдаче лиц с множественным гражданством.

В большинстве международных актов предусматривается, что собственные граждане не выдаются по требованию государства, на территории которого было совершено преступление. Однако в международном праве данное правило не во всех случаях носит императивный характер¹⁸.

Отсутствует общепринятый, единый подход к выдаче собственных граждан и в зарубежном законодательстве. В частности, подобную выдачу допускают такие страны, как Албания, Великобритания, Италия, Колумбия, Мальта, США, Чили, Япония и др. [14]. Как отмечает В. С. Выкуб, «в правовой доктрине устоялось мнение, разделяемое большинством государств, о невыдаче собственных граждан вне зависимости от цели и времени получения гражданства, главное — его наличие на момент получения запроса о выдаче данного лица. Однако в юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что факт получения гражданства уже после совершения преступления, за которое запрашивается выдача, не должен служить основанием для отказа в ней» [15, с. 25–26]. Кроме того, он особо подчеркивает, что «интересы борьбы с преступностью обуславливают появление новых подходов в отношении принципа невыдачи собственных граждан в сторону сужения ограничений выдачи, например, выдача собственных граждан с условием, что назначенное наказание лицо будет отбывать на территории государства своего гражданства, в некоторых случаях условием выступает гарантия запрашивающего государства справедливого судебного разбирательства» [15, с. 26].

Вместе с тем ч. 1 ст. 61 Конституции РФ содержит категорическое положение о том, что гражданин РФ не может быть выслан за пределы РФ или выдан другому государству.

Этому конституционному положению корреспондируют нормы ч. 1 ст. 13 УК РФ¹⁹, п. 1 ч. 1 ст. 464 УПК РФ²⁰ и ч. 5 ст. 4 Федерального закона «О гражданстве

¹⁸ См., напр.: 1) п. 2 Принципов международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества (приняты 3 декабря 1973 г. Резолюцией 3074 (XXVIII) на 2187-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); 2) подп. «а» п. 1 ст. 89 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в Кишиневе 7 октября 2002 г.); 3) ст. 6 Европейской конвенция о выдаче (ETS № 24) (заключена в Париже 13 декабря 1957 г.); 4) п. «а» ст. 4 Типового договора о выдаче (утв. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 45/116); и др.

¹⁹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁰ СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

Российской Федерации», в которых также содержится запрет выдачи российских граждан.

Историческое и телеологическое толкование данного запрета позволяет сделать вывод, что он — принимавшийся в интересах предупреждения советской практики одностороннего разрыва государством правовой связи со своими гражданами — направлен на обеспечение права на гражданство, сохранение государственной защиты и покровительства своих граждан (даже в случае совершения ими преступлений и приобретения ими гражданства другого государства).

В международной практике государства, не исключаящие в своем законодательстве множественного гражданства, в правоотношениях с полипатридами исходят, как правило, только из наличия у этих граждан «своего» гражданства. Вместе с тем могут быть предусмотрены случаи, когда лицо, имеющее также иное гражданство, будет рассматриваться не как гражданин РФ, а в ином статусе (например, как бипатрид, полипатрид) [11, с. 93]. Так, ч. 2 ст. 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 8 марта 2015 г.) «О государственной тайне»²¹ оговаривает, что допуск лиц, имеющих двойное гражданство, лиц без гражданства, а также лиц из числа иностранных граждан, эмигрантов и реэмигрантов к государственной тайне осуществляется в порядке, устанавливаемом Правительством РФ. Кроме того, в ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 5 октября 2015 г.) «О воинской обязанности и военной службе»²² федеральный законодатель разделил войска, воинские формирования и органы, в составе которых исполняется военная служба, по признаку наличия или отсутствия гражданства (подданства) иностранного государства.

Представляется, что положения ч. 2 ст. 62 Конституции РФ не препятствуют включению в федеральный закон (или международный договор) положений, меняющих права и обязанности полипатридов по сравнению с российскими гражданами (в частности, если это направлено на обеспечение их законных интересов), что может быть в перспективе учтено и в правовом регулировании института их выдачи (которое в силу положений ч. 2 ст. 63 Конституции РФ осуществляется именно на основе федерального закона или международного договора).

При этом, с учетом направленности взаимосвязанных положений ч. 3 ст. 6, ч. 1 ст. 61 и ч. 2 ст. 62 Конституции РФ на защиту интересов своих граждан, во всяком случае не может быть санкционирована выдача российского гражданина, имеющего также гражданство другого государства, если само лицо против этого возражает.

Более сложным представляется вопрос о выдаче имеющего множественное гражданство лица, обвиняемого в совершении за пределами РФ преступления (также не направленного против интересов РФ либо гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства)²³, если — при отсутствии иных оснований отказа в выдаче²⁴ — имеется запрос (согласие) другого государства и соответствующее согласие (ходатайство) самого лица.

²¹ СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4673.

²² СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

²³ Иными словами, это такое же преступление, за которое может быть выдан в соответствии с ч. 2 ст. 13 УК РФ иностранный гражданин.

²⁴ А. И. Бойцов выделяет 8 обязательных и 12 возможных оснований отказа в выдаче [16].

Теоретически для реализации своей воли на выдачу другому государству и устранения основания в отказе в этом лицо может заявить о своем выходе из гражданства РФ.

Согласно ч. 2 ст. 8 Европейской конвенции о гражданстве 1997 г. государство-участник вправе предусмотреть в своем внутреннем законодательстве, что отказываться от гражданства могут только граждане, постоянно проживающие за границей. Пунктом «б» ст. 20 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» не допускается выход из гражданства РФ, если гражданин привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу либо в отношении его имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор суда.

Европейский Суд по правам человека отметил, что право на отказ от гражданства не гарантировано Конвенцией или протоколами к ней. Тем не менее произвольный отказ в удовлетворении ходатайства об отказе от гражданства может в определенных в высшей степени необычных обстоятельствах поднять вопрос о возможном нарушении ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в случае, если такой отказ повлиял на личную жизнь человека²⁵.

По мнению М. М. Харитоновой, ч. 2 ст. 16 Конституции РФ исключает возможность ограничения действия ч. 3 ст. 6 Конституции РФ не только через ч. 3 ст. 55, но и на основании других положений гл. 2 Конституции РФ, в том числе тех, которые посвящены обязанностям граждан перед государством (обязанности платить законно установленные налоги и сборы и обязанности по защите Отечества). Следовательно, наличие у лица обязанностей перед РФ и соответственно возможность их прекращения либо облегчения уклонения от их выполнения в случае утраты лицом российского гражданства также не могут быть положены в основу лишения (и постоянного, и временного) права изменить российское гражданство, как это сделано в п. «а» и «б» ст. 20 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». Кроме того, выход лица из гражданства по своей природе предполагает прекращение тех обязанностей бывшего гражданина перед государством, которые вытекали из его статуса как гражданина («в обмен» на прекращение соответствующих обязанностей государства перед ним), поэтому идея запрета выхода из гражданства на том основании, что в результате прекратятся обязанности гражданина перед государством (при признании самого права выхода из гражданства), выглядит по меньшей мере нелогично. Таким образом, Конституция РФ устанавливает абсолютный запрет лишения лица права выхода из гражданства (при условии что лицо не станет апатридом), а нормы п. «а» и «б» ст. 20 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», противоречащие данному запрету, являются неконституционными независимо от того, насколько они практически обоснованы и необходимы [17].

В п. 81 Пояснительного доклада к Европейской конвенции о гражданстве 1997 г. указано, что согласно ст. 8 этой Конвенции нельзя лишить права отказаться от гражданства по основаниям, связанным с тем, что лица, постоянно проживающие в другом государстве, все же должны выполнять воинскую обязанность в стране происхождения, или что против лица в этой стране происхождения может быть

²⁵ Информация о постановлении ЕСПЧ от 23 мая 2006 г. по делу «Рьенер (Riener) против Болгарии» (жалоба № 46343/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 12.

возбуждено гражданское или уголовное судебное разбирательство. Гражданское или уголовное судебное разбирательство не имеет никакого отношения к гражданству и, как правило, может вестись даже в том случае, если лицо отказывается от своего гражданства происхождения.

Логика приведенных положений приводит к выводу о том, что полипатрид вправе выйти из российского гражданства, после чего вопрос о его выдаче будет решаться так же, как если бы он был иностранным гражданином. Вместе с тем такой вариант решения требует корректировки п. «б» ст. 20 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». Кроме того, осуществление в Российской Федерации уголовного преследования лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, за то же самое деяние признается не только обстоятельством, исключающим выход лица из российского гражданства, но и самостоятельным основанием отказа в выдаче (п. 3 ч. 2 ст. 464 УПК РФ).

Между тем признание права полипатрида на отказ от российского гражданства может рассматриваться как «подталкивание» государством лица к разрыву его правовой связи с государством, а потому такая трактовка норм о множественном гражданстве не может быть признана идеальной (особенно с учетом того, что впоследствии такое лицо не сможет снова стать российским гражданином, по крайней мере до аннулирования судимости за умышленное преступление, что предусмотрено п. «ж» ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»; более того, в силу п. «в» ч. 4 ст. 41.2 этого Федерального закона лицо не признается гражданином РФ в случае, если ранее было выдано по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора).

При этом, если считать условно допустимой выдачу полипатрида после его выхода из российского гражданства, то тем более в федеральном законе (или международном договоре) допустимо предусмотреть возможность выдачи такого лица, не обусловленную разрывом правовой связи с ним (т. е. без выхода из гражданства).

Конечно, это потребует изменений соответствующих правил (как минимум, ст. 13 УК РФ, ст. 464 УПК РФ и норм Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»), но позволит разграничить абсолютный запрет на выдачу российских граждан (не имеющих иного гражданства) и право на возможную — в прямо предусмотренных в правовом регулировании случаях — выдачу лица, имеющего два или более гражданства.

Обязательным условием такой возможной выдачи представляется согласие (ходатайство) лица об этом.

Факультативным может стать учет страны постоянного проживания. В настоящее время это реализуется только при решении вопроса о выдаче из третьего государства (когда запросы направили два или более государств, гражданином которого является запрашиваемое лицо). В частности, Е. В. Быкова отмечает, что «при наличии у лица двойного гражданства уголовное преследование передается в то государство, гражданином которого данное лицо себя считает или на территории которого проживает постоянно» [18]. Необходимость учитывать данное обстоятельство косвенно вытекает и из п. 13 Пояснительного доклада к Европейской конвенции о гражданстве 1997 г., признающего, что все большее число стран вместо понятия «гражданство» используют в качестве связующего элемента в международном частном праве понятие «постоянное проживание».

С правовой природой полипатризма и принципом эффективного гражданства связывает решение вопросов выдачи Т. В. Решетнева, отмечая, что для полипатризма *de jure* (допускаемое незначительным числом международных договоров двойное гражданство) все гражданства лица имеют равное значение и ни одна из заинтересованных сторон (государств) не может рассчитывать на удовлетворение своей претензии, основанной на гражданстве такого лица, обращенной к другой стороне (следовательно, запрос об экстрадиции отклоняется). Для полипатризма *de facto* (собственно множественное гражданство) необходимо использовать принцип эффективного гражданства. При этом если речь идет об экстрадиции полипатрида, то государство последующего гражданства должно удовлетворить просьбу государства первоначального гражданства, но при условии отсутствия обстоятельств (иных, нежели наличие гражданства), препятствующих выдаче [19, с. 7–9]. Предложенный ею вариант решения вопросов выдачи лиц с множественным гражданством представляется противоречивым, поскольку эффективным может быть как первоначальное, так и последующее гражданство.

Возможное правило о выдаче полипатридов представляется следующим: постоянно проживающие за пределами РФ граждане, имеющие два или более гражданства, совершившие преступление вне пределов РФ и находящиеся на территории РФ, могут быть выданы с их согласия иностранному государству, на территории которого они постоянно проживают и гражданами которого они являются, для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором РФ.

Источники и литература

1. Лунеев В. В. Интернационализация конституционного права в условиях глобализации // Государство и право. 2015. № 11. С. 33–42.
2. Франц Д. Атака на Париж готовилась в Брюсселе // Независимая газета. 2015. 17 нояб. URL: http://www.ng.ru/world/2015-11-17/1_paris.html (дата обращения: 15.01.2016).
3. Президент Франции предложил лишать гражданства за терроризм // Росбалт. 2015. 16 нояб. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/11/16/1461659.html> (дата обращения: 15.01.2016).
4. Австралия лишит гражданства тех, кто подозревается в терроризме // ТАСС. 2015. 4 дек. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2498203> (дата обращения: 15.01.2016).
5. Собрание СФ и ГД: трибунал для террористов и вопрос о смертной казни // РИА Новости. 2015. 20 нояб. URL: <http://ria.ru/politics/20151120/1324901839.html> (дата обращения: 15.01.2016).
6. Бердникова К. Л. Гражданство в системе прав и свобод человека и институтов публичной власти // Современное право. 2012. № 2. С. 26–30.
7. Мещеряков А. В. Роль института гражданства в обеспечении конституционных прав и свобод личности: С позиции научных взглядов профессора И. Е. Фарбера // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 230–234.
8. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма, 2013. 496 с.
9. Смирнова Е. С. Институт гражданства: Статичность или перспективы национального и международно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 24–30.
10. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2016. 528 с.
11. Медведникова Е. С. Отдельные вопросы правового положения граждан Российской Федерации, имеющих двойное гражданство // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 93–95.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

13. Красинский В. В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. 2015. № 7. С. 5–10.
14. Попаденко Е. Выдача лиц в международном уголовном праве // Уголовное право. 2013. № 1. С. 60–65.
15. Выхуб В. С. Конституция Российской Федерации в свете проблем экстрадиции // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 23–26.
16. Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 795 с.
17. Харитонов М. М. Возможность ограничения права изменить гражданство Российской Федерации с точки зрения иерархии конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 10–13.
18. Быкова Е. В. Вопросы уголовного преследования в международно-правовом сотрудничестве // Уголовное судопроизводство. 2006. № 3. С. 18–19.
19. Решетнева Т. В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном процессе: Проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА, 2009. 31 с.

Для цитирования: Арзамасцев М. В. Допустимость лишения гражданства и экстрадиции полипатрида, совершившего преступление // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2016. Вып. 3. С. 14–27. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.302

References

1. Luneev V. V. Internatsionalizatsiia konstitutsionnogo prava v usloviiakh globalizatsii [Internationalization of a constitutional law in the conditions of globalization]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and the Law]. 2015, no. 11, pp. 33–42. (In Russian)
2. Frants D. Ataka na Parizh gotovilas' v Briussele [Attack to Paris prepared in Brussels]. *Nezavisimaia gazeta* [Independent newspaper], 2015. November 17. Available at: http://www.ng.ru/world/2015-11-17/1_paris.html (accessed: 15.01.2016). (In Russian)
3. Prezident Frantsii predlozhit' lishat' grazhdanstva za terrorizm [The president of France suggested to deprive of nationality for terrorism]. *Rosbalt*, 2015. November 16. Available at: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/11/16/1461659.html> (accessed 15.01.2016). (In Russian)
4. Avstraliia lishit grazhdanstva tekhn, kto podozrevaetsia v terrorizme [Australia will deprive of nationality of those who is suspected of terrorism]. *TASS*, 2015. December 4. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2498203> (accessed 15.01.2016). (In Russian)
5. Sobranie SF i GD: tribunal dlia terroristov i vopros o smertnoi kazni [Meeting of Council of Federation and State Duma: tribunal for terrorists and a question of the death penalty]. *RIA Novosti*, 2015. November 20. Available at: <http://ria.ru/politics/20151120/1324901839.html> (accessed 15.01.2016). (In Russian)
6. Berdnikova K. L. Grazhdanstvo v sisteme prav i svobod cheloveka i institutov publicnoi vlasti [Nationality in system of the rights and freedoms of the person and institutes of the public authority]. *Sovremennoe pravo* [The Modern Law], 2012, no. 2, pp. 26–30. (In Russian)
7. Meshcheriakov A. V. Rol' instituta grazhdanstva v obespechenii konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti: S pozitsii nauchnykh vzgliadov professora I. E. Farbera [The Role of institute of nationality in providing constitutional rights and personal freedoms: From a position of scientific views of professor I. E. Farber]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [The Bulletin of the Saratov state legal academy], 2013, no. 4, pp. 230–234. (In Russian)
8. Zor'kin V. D. Pravo v usloviiakh global'nykh peremen: monografiia [The law in the conditions of global changes: Monograph]. Moscow, Norma Publ., 2013. 496 p. (In Russian)
9. Smirnova E. S. Institut grazhdanstva: Statichnost' ili perspektivy natsional'nogo i mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniia [Institute of nationality: Static character or prospects of national and international legal regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2015, no. 1, pp. 24–30. (In Russian)
10. Bondar' N. S. Sudebnyi konstitutsionalizm: doktrina i praktika: monografiia [Judicial constitutionalism: doctrine and practice: monograph]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2016. 528 p. (In Russian)
11. Medvednikova E. S. Ot del'nye voprosy pravovogo polozheniia grazhdan Rossiiskoi Federatsii, imeiushchikh dvoinoe grazhdanstvo [Single questions of a legal status of the citizens of the Russian Federation having a dual citizenship]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [The Bulletin of the Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 6, pp. 93–95. (In Russian)

12. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [The comment of the Constitution of the Russian Federation. Under the editorship of V.D. Zorkin]. Ed. by V.D. Zor'kina. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2013. 1040 p. (In Russian)
13. Krasinskii V.V. Gosudarstvennyi suverenitet: gnoseologicheskii aspekt problemy [State sovereignty: gnoseological aspect of a problem]. *Sovremennoe pravo* [The Modern Law], 2015, no. 7, pp. 5–10. (In Russian)
14. Popadenko E. Vydacha lits v mezhdunarodnom ugovnom prave [Extradition of persons in the international criminal law]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2013, no. 1, pp. 60–65. (In Russian)
15. Vyskub V.S. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii v svete problem ekstraditsii [The Constitution of the Russian Federation in the light of problems of the extradition]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2014, no. 8, pp. 23–26. (In Russian)
16. Boitsov A.I. *Vydacha prestupnikov* [Extradition of criminals]. St. Petersburg, R. Aslanov Publishing House "Yuridichesky Center Press", 2004. 795 p. (In Russian)
17. Kharitonov M.M. Vozmozhnost' ogranicheniia prava izmenit' grazhdanstvo Rossiiskoi Federatsii s tochki zreniia ierarkhii konstitutsionnykh norm [The opportunity of restriction of the right to change citizenship of the Russian Federation from the point of view of hierarchy of the constitutional norms]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2010, no. 10, pp. 10–13. (In Russian)
18. Bykova E.V. Voprosy ugovnogo presledovaniia v mezhdunarodno-pravovom sotrudnichestve [Questions of criminal prosecution in international legal cooperation]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal legal proceedings], 2006, no. 3, pp. 18–19. (In Russian)
19. Reshetneva T.V. *Ekstraditsiia polipatridov v rossiiskom ugovnom protsesse: Problemy teorii i praktiki*. Autoref. diss. kand. iurid. nauk [Extradition of polipatrid in the Russian criminal trial: Problems of the theory and practice. Thesis of PhD]. Ekaterinburg, UrGUA Publ., 2009. 31 p. (In Russian)

For citation: Arzamastsev M.V. Admissibility of Deprivation of Nationality and Extradition of a Person with Multiple Nationalities Who has Committed a Crime. *Vestnik SPbSU. Ser. 14. Law*, 2016, issue 3, pp. 14–27. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.302

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2016 г.,
рекомендована в печать 20 июня 2016 г.